Пока Берлин был разделенным городом, дело обстояло проще. По обе стороны стены культура рассматривалась в качестве пропагандистского оружия, на которое не жалели денег. Западные немцы щедро финансировали Дойче Опер, построенную в 1961 году. а восточные заботились о Штаатсопер, основанной прусской монархией еще в 1742 году, и Комише Опер, созданной в 1947 году и ставящей спектакли только на немецком языке. Однако после исчезновения Восточной Германии на попечении объединенного Берлина оказались три оперных театра, восемь оркестров и 17 драматических театров, привыкших к щедрой государственной полдержке. Это было большим плюсом для города, претендовавшего на роль культурной столицы Центральной Евроны, однако превратилось в тяжкое бремя, когда Берлин утратил финансовые преимущества нограничного пункта времен холодной войны. Несмотря на все средства, затраченные в последнее десятилетие на перенос столицы из Бонна в Берлин, последний остается по немецким меркам довольно бедным городом, не имеющим большой промышленности или прочной налоговой базы. Он беднее любого крупного города страны и не имеет средств для щедрого финансирования культуры. Вместе с тем, согласно федеральной системе, предполагается, что Берлин должен сохранить свою автономность.

"В 1995 году я говорил мэру, что необходимо определить приоритеты, - вспоминает Даниэль Баренбойм. с 1992 года возглавляющий Штаатсопер и ее оркестр Штаатскапеллу в качестве музыкального и художественного директора. - Что касается оперы, то вам придется сделать выбор между двумя большими театрами. Если вы решите, что это должна быть Дойче Опер, я буду расстроен и уйду, по я пойму. Все же это будет лучше, чем постоянно урезать бюджет". Однако столь радикальное решение принято не было. Вместо этого трем театрам было

КТО ОПЛАТИТ ОПЕРНЫЕ СЧЕТА?

Рос. муз. 1936. — 2001. — и. — с. 4 В Риме, Амстердаме, Мадриде и Вашингтоне есть по одному оперному теа-

тру. Нью-Йорк, Лондон, Вена и Париж могут похвастаться двумя. А вот в Берлине их целых три, что, с одной стороны, отвечает чаяниям любителей оперы, а, с другой, служит головной болью для тех, кто несет ответственность за выживание этих очагов культуры. Проще говоря, берлинцам нравится иметь три оперных театра, поддержку которых, однако, они не могут себе позволить с экономической точки зрения. Вопрос о субсидиях приобретает острый политический характер, усугубляя трения между Востоком и Западом Германии и выявляя скрытое недоверие немцев к Берлину как столице объединенной страны. Простые решения буквально тут же наталкиваются на подводные камни. Увеличить цену билетов? Пострадают менее обеспеченные жители Восточного Берлина. Закрыть один театр? Будет нанесен ущерб культурному имиджу города. Прибегнуть к корпоративному спонсированию? Частных спонсоров подозревают в низменных мотивах. Требовать увеличения федеральных субсидий? Многие немцы, помнящие о своей истории, возражают против использования налоговых средств для превращения Берлина вновь в могущественную столицу.

предложено сократить штаты и изыскать другие способы экономии. А тем временем их субсидии, покрывающие более 80% бюджета, были в сущности заморожены на одном уровне, без поправок на инфляцию и требуемого по закону ежегодного повышения заработной платы. "Оперные театры зарабатывали все меньше и меньше, испытывая острый лефицит средств, - говорит Кристоф Штёльциь, возглавляющий отдел культуры берлинского сената. -В перспективе перед ними маячило полное банкротство. В конце каждого года они обращались за дополнительными средствами в городское законодательное собрание, которое, сжав зубы, платило их долги. В марте прошлого года собрание решило, что театрами, испытывающими дефицит, должны управлять мы. И предложило нам разработать план долгосрочного спасения оперных театров".

Штёльшь начал с того, что решил: оперные театры не могут функционировать независимо друг от друга, каждый со своими оркестром, хором, солистами, балетной труппой, техническими службами. Давно уже многих беспокоило, что в Берлине разные оперные театры ставили одну и ту же оперу не только в один сезон, но также в одну неделю, а порой даже в один вечер. Штёльцль считал это непрактичным. Его план, отчасти имевщий в качестве образца Парижскую Оперу, объединяющую Палэ Гарнье и Опера Бастий, предусматривал слияние Штаатсопер и Дойче Опер под единым руководством. При этом более скромная по размерам Штаатсопер сосредоточила бы внимание на опере до XIX века. скажем, от Монтеверди до Моцарта, оставив романтический репертуар Дойче Опер. Штёльцль также предполагал сократить 77 позиций в новом объединенном оркестре.

Комище Опер при этом оставалась бы в своем нынешнем состоянии. Оппозиция плану Штёльцля не заставила себя ждать. Баренбойм даже пригрозил уйти. "Это макиавеллиевский план, состряпанный западными берлинцами, которые по-прежнему управляют городом, - заявил он. - Нам предложили закрыть Штаатсопер на реконструкцию на 4 года, а затем открыть ее в 2006 году, уменьшив оркестр. Они готовы были уничтожить Штаатскапеллу". Драматизм ситуации нарастал. Баренбойм организовал кампанию подписей под петицией "Спасите Штаатсопер", которую поддержали видные дсятели оперы со всего мира. Новый генеральный директор Дойче Опер Удо Циммерман не мог поладить с музыкальным директором Кристианом Тилеманом. И в довершение всего лидер местных христианских демократов Клаус Ландовский заявил: "С одной стороны, вы

имеете молодого фон Караяна в лице Тилемана, с другой - еврея Баренбойма". Баренбойм был возмущен и отказался принять извинения Ландовского, пытавшегося смягчить ситуацию утверждением. что он всего лишь хотел подчеркнуть культурное многообразие нового Берлина. "Если вы желаете говорить обо мне, оставьте в покос мое еврейство", - заявил дирижер. Федеральные и местные власти испугались, что Баренбойм может выдвинуть антисемитизм в качестве причины своего ухода из Штаатсопер. В ноябре минувщего года, явно стараясь умаслить его, федеральное правительство выделило театру субсидию в 1,75 миллионов долларов для приведения зарплаты музыкантов Штаатскапеллы в соответствие с той, какую платят оркестрантам в Дойче Опер. Два оставшихся театра сочли это проявлением фаворитизма. Наконец, в конце ноября, после

того, как Съезд директоров немецких оперных театров отверт план объединения двух театров, от него окончательно отказались. Баренбойм прекратил разговоры об отставке и начал переговоры об обновлении иынешнего контракта, срок которого истекает в следующем году. На сей раз, правда, речь идет только об обязанностях музыкального директора. В Дойче Опер тоже было объявлено перемирие, и Циммерман согласился обновить контракт Тилемана. Однако пред Штёльшем по-прежнему маячит вопрос: кто будет оплачивать счета? Радикальные меры, заключает он, оказались политически нежизнеспособными. "Если закрыть культурное учреждение на Востоке, нас упрекнут в том, что западные колонисты хотят удушить культуру Востока. А если закрыть что-нибудь в Западном Берлине, будут сетовать на то, что за объединение должен расплачиваться Запад".

> По материалам зарубежной прессы подготовил Владимир Нестьев